

ЭТЮДЫ СЕВЕРА

ЭТЮДЫ СЕВЕРА

Информационный сборник

ОБЛАСТНОЙ ДВОРЕЦ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА
«А В А Н Г А Р Д»

Т О М С К
2009

Данный сборник – второе издание ДНТ «Авангард» об истории и культуре селькупов, коренных малочисленных народах севера Томской области.

Первый информационно-методический сборник «Этюды Севера» был издан в 2003 году и посвящен I-ому областному фестивалю праздников коренных народов Севера, заключительный этап которого – праздник «Все юрты в гости к нам» - прошёл летом 2003 года в с. Парабель. В него вошли информационные и сценарные материалы этого фестиваля.

Настоящий сборник подготовлен также в рамках фестиваля «Этюды Севера» и содержит информационный материал об истории и традициях селькупов (нарымских самоедов) и материалы этнографической экспедиции по местам традиционного проживания селькупов в Парабельском районе.

В рамках V областного фестиваля коренных народов Севера Томской области «Этюды Севера» 10 - 13 августа 2009 года состоялась этнографическая экспедиция по местам традиционного проживания селькупов (нарымских самоедов).

В состав экспедиции вошли специалисты Департамента по культуре Томской области, отдела культуры Парабельского района, отдела по культуре коренных малочисленных народов Севера (КМНС), общественной организации КМНС «Колта куп», Томского областного краеведческого музея, Дворца народного творчества «Авангард».

Участники экспедиции посетили сёла Заозеро и Новосельцево, деревни Мумышево и Тюхтерево. За два дня работы была собрана информация о материальной и духовной культуре селькупов, которая фиксировалась на видео, аудио- и фотоаппаратуру.

Полученные материалы будут использованы для организации будущих фестивалей этнической музыки и танца коренных народов Севера, создания открытой экспозиции в Парабельском краеведческом музее, пополнения и обновления открытой экспозиции в Нарымском музее политической ссылки, разработки проекта первого в Томской области музея-заповедника.

Все участники экспедиции сошлись во мнении, что практику проведения экспедиций необходимо продолжить. Катастрофически уходят люди, носители ценнейшей информации; исчезают традиционные постройки.

В планах руководства отдела культуры Парабельского района - организация небольших экспедиций в оставшиеся селькупские, русские старожильческие и старообрядческие населённые пункты.

Одновременно с экспедицией в селе Нарым состоялся ежегодный пленэр, в котором приняли участие учащиеся Парабельской школы искусств и студенты Красноярской академии художеств. По

словам директора картинной галереи А.Н. Дашенко, практика молодых художников прошла успешно, и районная галерея в очередной раз пополнится новыми лучшими работами участников пленэра.

П.Ю. Рачковский,
*главный специалист
Департамента по культуре
Томской области*

**СЕЛЬКУПЫ, КАКИЕ ОНИ БЫЛИ
(и какие они есть сейчас)**

Вместо вступления

Этнографическая наука существует уже не одно столетие, и, пожалуй, не будет большим преувеличением утверждение, что в основании самой науки лежит путешествие: человек, покидающий родную, привычную среду, оказывается среди незнакомых ему условий, среди людей, говорящих на другом языке, живущих какой-то иной жизнью с непривычным, странным укладом. Одними из первых сочинений с «этнографическим уклоном» стали описания путешественников по разным надобностям людей – купцов, конкистадоров, дипломатов, миссионеров. Эти сочинения зачастую остаются самыми ранними упоминаниями этнической картины нашего сибирского региона. Для сформировавшейся этнографической науки экспедиционные полевые исследования были и продолжают оставаться одним из основных методов. На территории Западной Сибири, в том числе и в Нарымском крае, первые путешествующие исследователи по-

явились в XVIII в. Это немецкий учёный Иоганн Готлиб Мессершмидт, позже – экспедиция Герарда Фридриха Миллера. Среди исследователей, внёсших большой вклад в изучение этнической палитры Нарымского края, можно назвать М. Кастрена, Н.А. Кострова, Н.П. Григоровского, А.Ф. Плотникова, К. Доннера, М.А. Шатилова, Е.Д. Прокофьеву, Г.Н. Прокофьева, Г.И. Пелих, Р.А. Ураева, А.А. Ким, И.Н. Гемуева и многих других. Не все из них по профессии этнографы, но по зову души, несомненно, все. К их числу можно отнести земского заседателя 4-го участка Томского округа, автора фундаментальной работы «Нарымский край» А.Ф. Плотникова; создателя первой селькупской азбуки, ссыльного, бывшего лесника Н.П. Григоровского. Работы первых поколений учёных на Нарымской земле (XVIII-XIX вв.) представляют особый интерес ввиду того, что они застали культуру аборигенных западносибирских этносов в более целостном органичном состоянии, не разрушенном поздним влиянием больших масс русского пришлого населения, а тем более процессами

промышленного освоения Севера. Такое описание этнической традиционной культуры, как чего-то самодостаточного и замкнутого, застывшего в идеальном «золотом веке», несмотря на свою недостижимость, служило для классического этнографического исследования неким маяком, или эталоном. Причиной такого положения вещей, возможно, стало романтическое представление о народе и народном духе, появившееся в XIX в. и оказавшее влияние на формирование основ этнографии как научного знания. Конечно, от внимания учёных не ускользало, что сами изучаемые этносы не оставались неизменными на протяжении столетий, что и находило отражение в их трудах.

Селькупы

Территория расселения, этническая история и хозяйственный уклад

Селькупы – один из аборигенных этносов Западной Сибири. До 30-х г. XX в. их называли остяко-самоедами или просто остяками. Остяко-самоедами эту этническую группу назвал финский исследователь Матиас Кастрен, который обратил

внимание на сходство селькупского и ненецкого («самоедского» по терминологии XIX в.) языков. К собственно остякам, хантам селькупы очень близки по хозяйственному укладу и образу жизни.

Селькупы издавна проживали по Оби и её притокам: Парабель, Васюган, Тым, Кеть в Томской области, а также по рекам Пур и Таз в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области и реке Турухан и её притокам в Красноярском крае. Первоначальной территорией обитания были левые и правые притоки Оби, в том числе Парабель с притоками Чузик и Кенга. Часть селькупов ещё в конце XVI-XVII вв. постепенно переселилась из бассейна Оби к северу, на Таз, затем на Турухан, в XIX–XX вв. – на реку Пур. Таким образом, селькупы оказались разбитыми на две группы – южную и северную, разделённые между собой ваховскими хантами и елогуйскими кетами. Современное название было дано этносу этнографом и лингвистом Г.Н. Прокофьевым в 30-е гг. XX в. по самоназванию одной из диалектных групп северных селькупов - «сель-куп», что означает букваль-

но «таёжный человек». Южные, или как их иначе называют, нарымские, селькупы (ханты называли их **нерым-ях** – «болотные люди») делились в свою очередь на более мелкие диалектные группы, каждая из которых имела своё самоназвание: на Тыму и Парабели – чумыль-куп («земляной человек», от «чу» – земля), на реке Кеть (кетские) – сюзсы-кум или шёш-кум («таежный человек»).

Антропологи относят селькупов к уральской расе, которая представляет собой смешанный, переходный вариант между европеоидной и монголоидной расами.

Селькупский язык относится к самодийской ветви уральской языковой семьи. Считается, что от своих ближайших родственников – ненецкого, энецкого и нганасанского языков, а также от ныне исчезнувших камасинского и маторского языков – селькупский язык отделился около двух тысяч лет назад. По мере расселения селькупов на обширной территории Западной Сибири постепенно нарастали различия между селькупскими диалектами, так что со временем представителям уда-

ленных друг от друга локальных групп стало трудно понимать друг друга. Увеличению диалектных расхождений способствовали и контакты различных групп селькупов с разными соседями (сибирскими татарами, хантами, кетами, эвенками, ненцами), и, соответственно, влияние языков этих соседей на селькупские диалекты.

В настоящее время не существует единого мнения относительно диалектного членения селькупского языка. Предлагаются различные классификации, построенные на различных наборах исходных признаков. Согласно одной из классификаций, предложенных Е.А. Хелимским, в селькупском языке выделяется пять диалектов, соответствующих существующим территориальным группам селькупов: северный, или тазовско-туруханский, тымский, нарымский, обской и кетский. В XIX в. существовал еще один, крайне южный диалект (говоры Чулыма, Чаи, Верхней Оби), сейчас практически исчезнувший. Между селькупскими диалектами, как правило, нет чётких границ, некоторые говоры носят переходный характер. В

результате диалекты-«соседи» оказываются относительно близки друг другу, что обеспечивает взаимопонимание их носителей. В то же время диалекты, далеко отстоящие друг от друга, например, северный и нарымский, значительно отличаются, и взаимопонимание их носителей затруднено.

Первая попытка создания селькупской письменности была предпринята в XIX в. В 1879 г. Н.П. Григоровским была составлена и опубликована селькупская азбука, а также подготовлены и изданы три небольшие книги православно-миссионерского содержания на обском диалекте селькупского языка с использованием русского (кириллического) алфавита. В начале 30-х гг. XX в. в рамках создания алфавитов для народов Севера, Сибири и Дальнего Востока для селькупского языка была разработана новая система письма на латинской графической основе с ориентацией на северный (тазовско-туруханский) диалект; началось издание учебной литературы и обучение селькупских детей в школе на родном языке. В 1937 г. селькупское письмо было переведено на

русскую графику. Постепенно из средства обучения селькупский язык превратился в предмет изучения, а в середине 50-х гг. был и вовсе изъят из школьной программы. Одновременно прекратилось издание на нём учебной литературы. С начала 80-х гг. XX в. предпринимается новая попытка сделать селькупский язык письменным. Был создан новый алфавит на кириллической основе, для северного диалекта. К настоящему времени изданы несколько учебников селькупского языка и русско-селькупских и селькупско-русских словарей. Поскольку диалекты южных селькупов существенно отличаются от северных, учебники, создаваемые на этом диалекте, непригодны для использования в южном ареале. В начале 90-х гг. XX в. в Лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета была разработана система письма для диалектов южных селькупов, были подготовлены и изданы селькупский букварь, школьный словарь и разговорник, а также сборник селькупских сказок, который может быть использован в качестве школьно-

го учебного пособия. В школах двух посёлков Томской области началось преподавание локальных вариантов селькупского языка. К сожалению, следует отметить, что школьное преподавание селькупского языка оказывается малоэффективным. Большинство селькупских детей приходят в школу, не зная своего этнического языка. Школа оказывается единственным местом, где могут научить говорить на языке предков. После нескольких лет занятий на уроках родного языка усваивается некий весьма ограниченный список селькупских слов, в основном существительных. Овладения навыками речи не происходит, прежде всего, потому, что сфера применения селькупского языка оказывается чрезвычайно узкой: образование и сфера культурно-массовых мероприятий; для ареала северных селькупов к концу XX в. характерно использование селькупского языка на радио и телевидении. Самая важная сфера для существования языка – сфера общения в семье – значительно сдаёт свои позиции, всё меньше детей усваивает язык естественным путем внутрисемейного общения. Как

говорят исследователи-лингвисты, «вся надежда на северный диалект и на оленей, всё ещё имеющих у носителей этого диалекта, ибо между наличием у семьи оленей и функционированием в этой семье этнического языка наблюдается заметная корреляция».

Селькупский язык преподается в качестве предмета в Салехардском педагогическом колледже и в Институте народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге. Именно там готовят школьных преподавателей селькупского языка.

Происхождение и этническая история селькупов

Происхождение селькупов на территории Среднего (сургутского и нарымского) Приобья связывают с местными культурами: с середины 1-го тысячелетия до н.э. формируются кулайская, а позднее рёлкинская культуры эпохи раннего железного века и средневековья. Кулайская культура (V в. до н.э. – V в. н.э.) объединяла племена самодийской языковой общности. В ней развиваются некоторые основные черты будущей селькупской

культуры: рыболовство и охота как основные хозяйственные занятия, типы жилищ и поселений, мировоззренческие и религиозные представления. В первых веках н.э. на основе кулайской культурной общности сформировался ряд локальных культур – фоминской, одинцовской, среднеиртышской, рёлкинской (VI–IX вв.) и других. Рёлкинская культура, исследованная Л.А. Чиндиной, сложилась преимущественно на кулайской основе. Эта культура, с точки зрения исследовательницы, отражает период существования праселькупской общности. Данные археологических раскопок дают представление о хозяйственных занятиях предков селькупов. С помощью лука, костяных и железных стрел они охотились на лося, оленя, водоплавающую и боровую дичь. Ловили рыбу; ездили на лодках, которые изготавливали железными орудиями – топорами-тёслами и ножами, делали глиняную посуду, знали литейное и кузнечное ремесло, ткачество, обрабатывали шкуры, кожи, шили меховую одежду и обувь, украшая их бронзовыми и железными пряжками, подвесками, бляшками; носили

бронзовые украшения: браслеты, перстни, гривны. Возможно разводили лошадей для верховой езды – найдены удила, детали уздечки, изображения оседланной лошади (позднее эта традиция утратилась). Нельзя исключить того, что рёлкинцам было знакомо мотыжное земледелие. Жили они в землянках и полуземлянках в укреплённых поселениях-городищах. Умерших хоронили наземным или грунтовым способом, был известен обряд трупопожжения. В могильниках найдено вооружение – палаши, сабли, боевые стрелы и колчаны, шлемы, кольчуги. Археологические памятники позднего средневековья (XIV – XVII вв.) по устройству погребальных сооружений и набору предметов имеют множество совпадений и аналогов в селькупских этнографических материалах.

В XVI в. русские познакомились с селькупами, которые в то время были объединены в племенной союз, известный под названием Пегая орда. Во главе их стоял вождь-военачальник («князец») Воня. Он имел в своём подчинении до 400 воинов и вёл долгую борьбу с царскими воеводами, отка-

зываясь от уплаты ясака. По-видимому, Пегая орда сложилась – как и хантыйские, и мансийские княжества – в «богатырскую эпоху», бурный период XIV-XVI вв., в ходе активной борьбы народов Западной Сибири (прежде всего, её южнотаёжной зоны) с татарским Сибирским ханством и между собой и достигла своего пика к началу русской колонизации Сибири. Пегая орда и ряд подобных ей военно-политических образований (княжество Бардака в Сургуте) объединяла большую часть селькупов на основной территории их обитания, охватывавшей в XVI в. район Среднего и Верхнего Приобья от рек Аган и Вах на севере до реки Чая и устья реки Томь на юге и от верхнего течения Кети на востоке до бассейна Васюгана на западе. Пегая орда обладала реальной силой и могла оказать серьёзное сопротивление потенциальным завоевателям. Известно, что воинственные соседи селькупов обходили селькупское княжество стороной. Енисейские кыргызы, распространившие своё влияние на юго-восточную часть Западной Сиби-

ри, старались не тревожить селькупское княжество.

Название «пегие люди», употреблявшееся по отношению к нарымским селькупам, связывают с их пёстрой одеждой из шкур; по другой, более поэтической, версии – название это связано с мировоззренческими представлениями селькупов. Понятие «пегий», или «пёстрый», в селькупской мифологии встречается довольно часто. По шаманским селькупским представлениям, мир неоднороден и делится на верхний мир и нижний. Верхнему миру соответствует белый цвет, нижнему – черный. Смешение этих цветов образует пёстрый цвет – средний, земной мир, где и живут люди.

Пегая орда вошла в состав Русского государства лишь после основания Нарымского острога в 1598 г. В Нарымском крае стали селиться казаки, служилые люди, «пашенные» крестьяне, промышленники и «вольница» (беглые крестьяне), позднее – ссыльные из европейской части России. Между переселенцами и коренным населением стали

налаживаться контакты. Сначала они выражались в заимствовании друг у друга некоторых элементов культуры жизнеобеспечения: способы и орудия охоты и рыболовства, типы жилища, промысловой одежды и обуви - и даже элементы системы мировоззрения (селькупы были крещены в православие, которое на первых порах воспринималось формально; русские переселенцы в значительной степени были подвержены местным шаманским верованиям, обращались к селькупским, хантыйским, тунгусским шаманам для гадания, лечения). Позднее появились заимствования целых отраслей хозяйства, таких как скотоводство, извоз, торговля.

Г.И. Пелих, изучая особенности неписаного права обычая в селькупском обществе, в том числе устройство землепользования, выделила два основных типа земельных владений у селькупов: за каждым из числа сородичей были закреплены охотничьи угодья, их было принято называть «чвэчом»; существовала ещё и такая территориальная единица как «матарым», объединявшая

несколько «чвэчом». Земля «матарым» связана с культом «матура» - богатыря, сына какого-нибудь мифического существа, которого иногда представляли получеловеком-полузверем. Было принято считать, что «матарым» - это земля некоторой группы людей, «товарищей», которые могут пользоваться ею сообща. Кроме культа главного богатыря, были ещё и культы богатырей, владевших землями – «чвэчом», находившихся в родственных отношениях с «матуром» - хозяином «матарым». На каждом охотничьем участке были свои культовые места, старательно оберегавшиеся селькупами. Между селькупом и землёй - «чвэчом» предполагалось наличие особой мистической связи: считалось, что человек рождался, жил, умирал и продолжал существовать после смерти на этой земле. Селькуп имел полное право убить чужака, появившегося на его территории.

После вхождения Сибири в состав России на это традиционное землеустройство была наложена сетка административно-территориального деления, созданная для управления новыми терри-

ториями. В местах компактного проживания аборигенных этносов были образованы инородческие волости, в которых местное население продолжало владеть своими угодьями на правах обычая. Пришлого крестьянское население селилось на незанятых территориях, из которых также были образованы волости; ситуация облегчалась тем, что для ведения сельского хозяйства больше подходили другого типа земли, чем для охоты. На территории инородческой волости русские имели право ловить рыбу, охотиться, заниматься шишкобоем или заготовливать сено только с разрешения коренных жителей, как правило, на правах аренды. Известно немало случаев судебных разбирательств между коренными жителями, татарами или селькупам, и русскими по поводу угодий, в которых суды, как правило, брали под защиту интересы аборигенов. Такой подход позволял селькупам, насколько это было возможно в новых условиях, сохранять свою традиционную культуру.

Хозяйственные занятия

Основными занятиями селькупов были охота и рыболовство. Орудия охоты – лук со стрелами, самострелы, ловушки давящего, ущемляющего и ударного типов. Варианты охоты на крупных копытных включали зимне-весенний загон по насту или промысел с помощью различных ловушек. На лося, дикого оленя ставили изгороди с ямами, луки-самострелы, на лисицу, песца, росомаху – кляпцы, на глухаря – слопцы, на выдру – сеть-рукав, на белку, бурундука – плашки, на медведя, лису, зайца, песца, соболя – кулемы, на песца – пасти. На медведя ходили также с копьём-пальмой. Петлями ловили оленей, соболей, сетями – гусей, силками – куропаток, зайцев. На зимних промыслах основным объектом охоты служили пушные животные, шкурки которых с древности являлись основной статьёй торговли, обмена и уплаты различных податей. Черкан обычно ставили на белку, горностая, колонка. Существовало выражение «черканная дорога» – тропа, на которой охотник устанавливал от 100 до 200 черканов. Проверять ловушки, вынимать из них зверя и сно-

ва настораживать могли и женщины, и дети. За день женщина могла добыть 30–40 белок. Кулемы на медведя, загороди, загоны, ямы на лося и оленя сооружали сообща, артелями. Зверя, особенно белку, добывали луком со стрелами. Сложный клееный селькупский лук славился далеко за пределами его обитания, был предметом обмена. Его делали в рост человека из трёх пород дерева – березы, кедра и черёмухи. Между двумя склеенными пластинами из самой прочной части кедровой и берёзовой древесины прокладывали пластинку из вываренной кости и сухожилия. Утолщение в средней части лука и его концы делали из черёмухи. Сверху лук обклеивали тонким слоем бересты, концы обматывали саргой (нитью из черемуховой коры). Клей, отличавшийся большой прочностью, варили из рогов лося. Тетиву из лосиных жил на такой лук натягивали четверо мужчин. При стрельбе для натягивания тетивы на правую руку надевали перчатку с тремя пальцами, от удара тетивы руку предохраняли костяной пластинкой в форме полуцилиндра, привязанной к ки-

сти ремешком. Наконечники стрел были разные: длинные заострённые, костяные и железные – на крупного зверя, деревянные закруглённые с тупым концом (чтобы не портить шкурку) – на пушного зверя, железные в форме острой лопаточки – на рыбу, вильчатые – на птицу и рыбу. С присоединением к России в связи с ясачной политикой царского правительства начала развиваться преимущественно пушная охота, основным объектом которой являлась белка. В XIX в. у селькупов появились ружья, которые были названы «огненными стрелами», однако они не сразу получили распространение. Ружьё стоило дорого, достать к нему порох и свинец было сложно. Ружья получили распространение со второй половины XIX в. В первой половине XX в. из-за упадка рынка пушнины пришлось вернуться к луку со стрелами. Только с середины XX в. ружья прочно заняли своё место в охотничьем промысле.

Для охоты специально выращивали «беличьих» собак. На белковку уходили всей семьёй. Значение охоты на белку было так велико, что ос-

новой меновой единицей стала связка из 10 беличьих шкурок (сарум). Это слово вошло в состав всех селькупских числительных, означающих десятки начиная с 20. Роль промысла белки отразилась и в селькупском календаре: ноябрь назывался «беличьим» месяцем. В современной жизни селькупов пушная охота также имеет значение. Начинается она с конца сентября – начала октября и продолжается до конца декабря – начала января. Всё это время промысловики живут в тайге, в специально построенных избушках. В январе сдают пушнину, отдыхают, делают новый запас продуктов, охотничьего снаряжения и в феврале опять уходят в тайгу до весны.

Рыболовство издавна было важнейшей отраслью жизнеобеспечения. Рыба не только использовалась в пищу; из рыбьих кож делали утварь и одежду, из чешуи и костей варили клей, который использовался для изготовления самых разных орудий. У селькупов давние традиции рыболовства на больших и малых реках и озёрах. Добывали осетра, нельму, муксуна, стерлядь, щуку, окуня

и др. Использовали в основном пассивный способ добычи: городьбой, или запорами. Запирали обычно рукав реки или протоку, небольшую речку. Водоём перегораживали листовенничными кольями, переплетёнными саргой, в отверстиях городьбы устанавливали плетёные ловушки, в которые набивается рыба. В наши дни такой способ уступает неводно-сетевому способу. Ловили рыбу сетями – ставными и плавными, удочками, дорожками, на озёрах – жерлицами (поплавками с крючками), на Оби – неводами. До середины XX в. в Нарымском крае сохранялся древний способ лова рыбы с помощью трезубой остроги. Охота на рыбу проводилась осенними тёмными ночами. Воду освещали факелом, отчего такой способ назывался «с огнём рыбалка».

Занятие рыболовством отражено в селькупском календаре: «месяц щучьей икры», «месяц язевой икры», «месяц нельмы», «месяц рыбных запоров» и др. Практиковался лов заморной (духовой) рыбы: во время цветения воды в Оби рыба уходила в глубокие места (ямы), где ключи давали

свежую воду, и вставала там плотными косяками. Способ добычи такой рыбы назывался «ломанье» ям. В ломанье обычно участвовали все жители поселения в заранее назначенный день. Места над ямой делили по жребию. Рыбу добывали подолдом с помощью самоловов и неводов. В целом, несмотря на важность рыболовства для селькупского хозяйства, оно считалось обязанностью молодых или, наоборот, уже старых. Истинно мужским занятием считалась охота.

Селькупы северной группы, оказавшиеся в более суровых климатических условиях, чем их южные сородичи, перенимали хозяйственные навыки у местных аборигенов – ненцев, эвенков, кетов. К числу таких важнейших направлений хозяйственной деятельности относится оленеводство, которым занимались, прежде всего, для транспортных целей. В одном хозяйстве обычно имелось от 20 до 50 животных. Пасли их без оленегонных собак, периодически отпуская на волю и затем собирая. Практиковалось и приизбенное оленеводство: для стада строили специальные олени сараи и ды-

мокуры. Ноябрь у северных селькупов назывался «месяц отпадения рогов оленей-самцов». До начала XX в. у северных селькупов сохранялись навыки кузнечества. Из руды, доставляемой с Енисея, кузнец выплавлял металл сыродувным способом с помощью специальной системы из горнов и мехов. Из полученного железа изготавливались орудия труда, оружие, кольчуги, изображения духов. Вплоть до XX в. пользовались также каменными и костяными орудиями труда (скребки для выделки кожи, зернотёрки, наконечники стрел, ножи, крючки, иглы и пр.).

Селькупы, как северные, так и южные, умели обрабатывать крапиву, прясть из неё нитки (при помощи веретена), ткать крапивные холсты для шитья одежды, одеял на оленьем меху, матрасов.

Подсобную роль играло собирательство. Ягоды, клубни сараны, дикий лук заготавливали женщины и дети. Особенное значение имел сбор смородины, черники, клюквы и брусники. В Нарымском крае был развит кедровый промысел. Семьями или артелями в середине августа на одну-две

недели отправлялись в тайгу – нередко за десятки километров. Жили в землянках и шалашах. Тут же делали или подновляли приспособления для сбора и очистки орехов – деревянные молоты – длинные шесты с чурками на концах, которыми ударяли по дереву, чтобы сбить шишки, вальки для вылущивания орехов, решётки, сита. «Сбивальщики», надев на ноги железные «когти», влезали на деревья и сбивали шишки, «подбиральщики» собирали их и относили к жилью. В день запасали до 80 кг орехов. Мешки складывали в специально построенном амбаре или в землянке, сохраняя от зверей, зимой вывозили на лошадях. Сбор кедровых орехов – до сих пор одно из любимых местных занятий.

Благодаря контактам с русскими южные селькупы ещё в XIX в. научились приёмам животноводства, а позже и земледелия. На Оби и по её притокам стали выращивать картофель, капусту, морковь, свеклу, огурцы. На пойменных обских лугах пасли крупный рогатый скот, лошадей. Годовой хозяйственный цикл селькупов трансформировал-

ся и с учётом новых занятий строился таким образом: в апреле – июне возделывали огороды, ставили сети для рыбы, заготавливали бересту, саргу (волоконно черёмухи), черёмуховые прутья для плетения утвари, кедровые корни, из которых делали верёвки, смолу для пропитки лодок. В июле – августе собирали ягоду, занимались сенокосом. В селькупских посёлках, расположенных по Оби, заготовка сена проводилась в массовом масштабе и принимала характер настоящей страды. Это было связано с тем, что по Оби зимой проходили обозы с товарами, и спрос на сено для лошадей был велик. В сентябре наступал черед охоты на боровую дичь, вяления и соления её на зиму, сбора брусники и кедрового ореха (месяцы «глухари садятся на песок» и «сбора ягоды»). Одновременно сетями и запорами ловили рыбу («месяц осетра», «месяц нельмы»), вели подготовку к осеннему белкованию (заготавливали продукты, чинили промысловую одежду и обувь, инвентарь, упряжь и пр.). Белкование продолжалось до середины декабря – начала января. Во 2-й половине декабря, в январе и

феврале жили в зимних селениях, сдавали пушнину, закупали товары, подвозили дрова и сено, чинили охотничий инвентарь, занимались подледным ловом рыбы и извозом. В феврале начиналась весенняя пора белкования, продолжавшаяся до апреля.

Традиционными средствами передвижения были ручные нарты, а также лыжи и лодки; у северных селькупов – олени упряжки. Ручные нарты южных селькупов – прямокопыльные сани, узкие и длинные. Нарты у северных селькупов чаще всего косокопыльные с тремя-пятью парами копыльев. Тип оленьих нарт, посадки на них, упряжи у северных селькупов – самодийского типа. У русских селькупы научились передвижению на лошадях. Лыжи – длиной от 1,5 до 1,9 м, шириной 20-30 см – делали из елового или кедрового дерева. Древесину предварительно выпаривали, чтобы она стала мягкой, «как береста», выгибали в специальном станке, просушивали, обтягивали меховой подкладкой, сшитой из оленьих или лосиных камусов. Камус подклеивали, смазывая горя-

чим клеем четыре раза, каждый раз подсушивая заготовку. Затем лыжу обматывали верёвкой и сушили. На место крепления подклеивали подстилку из бересты, в просверленные отверстия продевали крепёжные ремни. Лыжи держали в распорках. Перед тем как встать на них, деревянную поверхность обрабатывали лосиным или медвежьим салом. Срок службы сделанных таким образом лыж составлял не менее 5 лет. На них ходили с длинным шестом, на одном конце которого был костяной наконечник, а на другом – лопатка. Шестом, в частности, проверяли давность звериного следа. Охотник, отправляясь на промысел, грузил необходимое снаряжение на ручную нарту, подпрягая к ней 1–2 собак. Благодаря этому, идя на лыжах, он мог свободно перемещать до 150 кг груза. Лодки – долблёные разных видов и дощатые (завозни – из кедровых плах), для дальних переездов – крытые (илимки). Лодки вмещали от одного – двух до десяти человек. У русских селькупы научились делать большие дощатые лодки-неводники.

Селения селькупов располагались на высоких берегах рек, в устьях речек и проток и насчитывали от двух до десяти хозяйств. Селения были как постоянные (зимние), так и летние, в которых жили с весны до поздней осени. Жилые дома, амбары, печи для выпечки хлеба, навесы для хранения рыболовных снастей, вешала для просушки сетей и вяления рыбы располагались без всякого плана, на некотором расстоянии друг от друга, в окружении деревьев. На Оби многие селения имели уличную планировку. Древнейшим зимним жилищем селькупов была землянка (карамо), вырытая обычно в обрывистом берегу, с входом-коридором со стороны реки. В такое жилище заезжали с реки в лодке. Пол от входа постепенно повышался, чтобы землянку не заливало водой, очаг располагался сбоку от входа, у передней стены. Первые русские, попавшие в Нарымский край, отмечали, что там «люди ходят по подземелью». Упоминания о таких домах встречаются в селькупском фольклоре. От древнего карамо сохранилась и терминология, связанная с жилищем: сени по-селькупски

означают «нутро горы», внутри землянки направление от очага и к очагу называется «на гору» и «под гору». Известны были селькупам и каркасные полуземлянки, с остовом из столбов и жердей, также называвшиеся карамо, или «чуть-мат», жилища со срубными стенами (мадет-мат), углубленные в землю на полметра, с маленькими окнами, низкими дверями, отапливаемые чувалом – открытым очагом с широкой трубой, сплетённой из жердей и обмазанной глиной, или печкой с основанием-срубом и широкой трубой из жердей, как у чувала. Вместо стёкол в окно вставляли льдину либо брюшину оленя или иного животного. Спали на земляных нарах, покрытых шкурами и циновками. В XIX в. большинство селькупов южного приобского ареала жили в срубных избах русского типа с дощатыми, иногда земляными крышами, русской печью. В избах появились кровати, столы, полки, лавки. Летними жилищами служили каркасные сооружения из жердей, покрытые корой деревьев, чаще всего берестой. Конический чум, покрытый лосиными или оленьими шкурами, у южных селькуп-

пов встречался редко, скорее, в порядке исключения, в то время как у северных стал одним из основных типов жилища. В чуме устраивали дымокур, осенью ставили железную печку; пищу готовили чаще всего на уличных очагах-кострищах. Имущество (рыболовные и охотничьи снасти, меховую одежду, обувь) и запасы (вяленые мясо и рыбу, орехи, ягоды) держали в свайных срубных амбарах. Такие же амбары сооружали в лесу, на месте промысла; в них хранили добычу, собранные орехи и ягоды.

Традиционная утварь селькупов изготавливалась преимущественно из бересты и дерева: берестяные посуда (миски, тарелки), коробки для продуктов и различных предметов, кузова, туеса и набирки для ягод, короба для орехов, деревянные корыта, блюда, миски, солонки, ложки, ковши, сита и др. Из капа (берёзового гриба) или дерева выдалбливали чашки, блюда, ложки. В деревянных ступах толкли ячмень, соль, дубовую кору (для окрашивания сетей), сушёную рыбу, черёмуху. Из деревянной рамы и холста делали колыбель – до-

машную или походную. Берестяную посуду, детали жилища, костяные части упряжи и другие предметы быта орнаментировали геометрическими, стилизованными растительными и зооморфными мотивами.

Основу питания селькупов составляла рыба в вяленом, варёном, жареном (на костре на палочках-рожнях), сыром, мороженом виде. Заготавливая впрок, её солили, сушили, заквашивали в ямах вместе с ягодами. Сушёную толкли, делая муку (порс), которую охотники брали с собой в тайгу, варили из неё суп. Из отходов и внутренностей рыбы вываривали рыбий жир, который занимал в питании селькупов значительное место, являясь практически повседневной пищей. Мясную пищу – дичь (глухари, куропатки, тетерева, гуси, утки) и мясо лося – заготавливали также впрок (в основном коптили). Хлеб пекли в специальных печах на улице, хотя был известен и способ выпечки хлеба в золе от костра. Этот способ применялся в «походных» условиях. Использовали покупную муку, чай, соль, с конца XIX в. – крупы, молоко, овощи. В

пищу шла ягода, как свежая, так и заготовленная впрок, для чего ягоду сушили, замачивали в воде, замораживали. Из смородины, черники и голубики варили варенье без воды и сахара, иногда для загущения добавляя немного муки. В качестве заварки для чая использовали ягоды малины, которые сушили и слегка поджаривали, а затем смешивали с листьями малины и смородины, добавляя толчёную чагу. Позже в обиход селькупов вошли элементы русской кухни – пельмени, пироги, супы, щи, грибы. «Отходы» рыболовства, охоты и собирательства использовали для изготовления множества полезных и нужных вещей: из осетровых пузырей варили клей, сухожилия оленя и лося шли на изготовление ниток, из желчных пузырей и печени медведя и других диких животных вытапливали желчь для выделки замши, стружка мерзлой берёзы, запасаемая в большом количестве, заменяла полотенца, мочалки, пеленки. Практически вся добыча, касалось ли это охоты, рыболовства или собирательства, утилизировалась традиционным хозяйством целиком и полностью, без

остатков.

О традиционной селькупской одежде учёным известно преимущественно из описаний путешественников и служилых людей, сделанных в XVII – начале XIX вв. В более позднее время селькупы перешли на изготовление одежды из привозных тканей, а ещё позже перешли и на покупную одежду. Традиционные виды одежды дольше использовались в качестве промысловой: на охоте, рыбалке, в извозе, на сборе орехов и ягод, хотя и в этой сфере оказались потеснены вездесущими ватниками. Известно, что традиционной зимней одеждой селькупов являлась сшитая из шкур «порга»; летнюю в старину изготавливали из рыбьей кожи (осетровой, налимыей, стерляжьей, щучьей) и тканей из крапивного волокна. Рубашки и штаны из рыбьей кожи рыбаки носили вплоть до конца XIX в. Северные селькупы в зимний период стали использовать заимствованные у ненцев и северных хантов формы одежды из оленьего меха: сокуи – глухую одежду мехом наружу с капюшоном, сапоги-пимы из камусов. Женщины слави-

лись умением красиво сочетать и сшивать шкурки и лапки мелких зверьков. Эта кропотливая работа продолжалась много месяцев. Традиционная обувь – кожаные туфли (чирки), сапоги (лунты) из кожи, унты из меха.

В XIX в. среди селькупов, особенно приобских, широко распространились русская крестьянская одежда и обувь – тулупы, полушубки, меховые рукавицы, валенки, сапоги-бродни (высокие, кожаные, на мягкой подошве, привязанные к поясу кожаными ремешками, смазанные дёгтем, чтобы не промокали), рубахи-косоворотки и штаны, сарафаны, платья, юбки с кофтами, крытые сукном кафтаны, зипуны. В качестве головного убора мужчины носили картузы и шапки-ушанки, женщины – платки. По причине такого довольно быстрого перехода на новые виды одежды даже в музеях практически не сохранилось образцов традиционной селькупской одежды. Следует отметить, однако, что некоторые виды промысловой обуви, утвари и средств передвижения оказались настолько хорошо приспособлены для местных условий, что

даже сейчас они продолжают бытовать среди местного населения. Это относится, прежде всего, к кожаным чиркам, охотничьим лыжам, долблёным лодкам-обласкам, берестяным кузовам и набиркам, аналога которым не смогла предложить промышленность, и потому их продолжают изготавливать местные мастера-умельцы.

Общественное устройство

Изучением социальной организации селькупского общества занималось немало исследователей, однако в этой области до сих пор нет единого, разделяемого всеми взгляда на проблему. Некоторые полагают, что селькупам была свойственна дуально-фратриальная организация, как это имело место у соседей селькупов – хантов. Другие считают, что селькупам была известна кольцевая связь при заключении браков, когда мужчины первой группы женились на женщинах второй, мужчины второй – на женщинах третьей, мужчины третьей – на женщинах первой группы. Учёные предполагают, что у селькупов существовали племенные союзы той или иной степени консолидации.

Основной экономической единицей селькупов, начиная с XVIII в., являлась территориальная община, внутри неё – большая патриархальная семья (отцовская или братская). Братская семья, изученная Гемуевым И.Н., считается весьма архаичной формой социальной организации. Во главе такой общины стояла группа мужчин – родных или двоюродных братьев, каждый из которых мог иметь собственную семью. Семья коллективно владела угодьями, орудиями труда и другим имуществом, совместно строила запоры для ловли рыбы, возводила загороди с ямами-ловушками на зверя. Сыновья (и племянники) братьев-хозяев со временем сменяли старшее поколение мужчин (отцов-дядьев) на хозяйственном поприще, получая их обязанности и права. Такая братская семья была очень устойчива, являясь самодостаточной хозяйственной единицей; разделы происходили только в случае слишком сильного разрастания, причём отпочковавшиеся семьи были идентичны по своему устройству. Во второй половине XIX – начале XX в. стали выделяться малые семьи, по-

степенно ставшие преобладающей формой семейной организации.

Этнографы отмечают, что коллективный труд и потребление были свойственны занятиям рыболовством, охоте на линную водоплавающую дичь, а собственность на пушнину, орудия охоты, на вещи, на которые обменивалась пушнина, была индивидуальна. У северных селькупов индивидуальная собственность распространялась и на оленей.

Судя по архивным и фольклорным данным, уже в XV–XVII вв. в селькупском обществе шли процессы социального расслоения. На основе племенных группировок складывалась военнопотестарная организация с властью военной верхушки – больших «князей» и мелких «князцов», народным собранием, примитивным налогообложением. По русским источникам, в XVII в. среди селькупов выделяются социальные категории: «лучшие люди» – потомки родоплеменной знати, князцы; «средние люди», платящие ясак; «бедные люди» – обедневшие охотники и рыболовы, «кому ясаков платити не мочно»; «захребетники»,

попавшие в зависимость к «лучшим людям», а за долги, переходившие от поколения к поколению – в кабальное рабство. Богачи давали неимущим «кредиты» – оленей, товары и продукты «под промысел», расчёты за которые по завышенным ценам неизбежно вели к новым долгам. Социальное расслоение у южных селькупов было выражено сильнее, чем у северных.

Будущих мужа и жену определяли родители. Инициатива поиска невесты принадлежала родителям жениха. Определяющими факторами являлась степень родства (нельзя было выдавать замуж за ближнюю родню: жених должен быть «дальше третьего колена») и социально-экономическое состояние семьи невесты. Аналогично оценивались и «данные» жениха; кроме того, смотрели, хорошим ли охотником является претендент, склонен ли он к выпивке. Основной формой был брак с обязательной уплатой калыма (оленьями, шкурами зверей, деньгами, скотом), который собирали в течение нескольких лет до сватовства. В конце XIX – начале XX в. стали распро-

страняться браки «убёгом», со свободным выбором партнера, что было связано с отсутствием средств на уплату калыма или иным опасением, что девушку не отдадут за претендента по какой-либо другой причине. Свадебный обряд селькупов включал церемонию сватовства, свадьбу в доме родителей невесты, переезд невесты к жениху, свадебное торжество в доме родителей жениха. Сватом обычно выступал старший родственник жениха – дядя, старший брат. Обязательной принадлежностью свата был деревянный посох с привязанным к его верхнему концу красным платком и медный котёл с обмотанной тканью ручкой. Процедура сватовства называлась иносказательно «таскать котёл». Заключалась она в том, что жених складывал в котёл подарки семье невесты: куски ткани, готовую одежду, шкурки пушных зверей, деньги, связки бус. Сват молча ставил котёл у ног отца девушки и уходил, встречали свата также молча. Отец невесты рассматривал подарки, и если они его устраивали, то оставлял котёл у себя. Соглашаться с первого раза было не принято, ко-

тёл уносили обратно к жениху, который добавлял туда ещё подарков. Эта процедура могла продолжаться до трёх дней, после чего отец невесты и сват договаривались о размере калыма. Согласия невесты не спрашивали, но старались добиться её благожелательного отношения. Невесте полагалось приданое, в которое у южных селькупов входили одежда, постельное бельё, деньги, кухонная утварь, а у северных – жерди и покрыва для нового чума, олени, нарты. Особой свадебной одежды этнографы не отметили, это была, как правило, новая, нарядная одежда. В XIX в. южные селькупы после заключения брака по традиционному обычаю венчались в церкви. В XX в. селькупские свадьбы почти не отличались от русских, которые также приобретали более унифицированную «советскую» обрядность.

Мировоззрение и религиозные верования

В конце XVI в., когда русские появились в Нарымском крае, они застали у селькупов систему верований, которую в те времена принято было называть язычеством, а сейчас – анимистическими и тотемистическими представлениями. Несмотря на христианизацию селькупов в XVII–XVIII вв., эти верования и соответствующая обрядность сохранялись в течение длительного времени, сосуществуя с христианством. Особенно это касается северных селькупов. Селькупы южной группы по причине более тесных контактов с русскими в большей степени восприняли православие. Нет сомнения, что в южном культурном селькупском ареале существовало достаточно развитое шаманство; его зафиксировали этнографы и путешественники XIX – начала XX в., однако в памяти современных селькупов этот феномен почти не сохранился.

Реконструкция селькупского мировоззрения строится на анализе данных этнографии и фольклористики.

Происхождение и устройство мира

Для самодийской мифологии характерно представление о сотворении обитаемой земли на поверхности необитаемого пространства. Лёд, вода или глина - таково состояние земли до её божественного устроительства. «Рождение» земли начиналось с травинки или кусочка мха, посланного Богом или Матерью-старухой на землю, или с доставания комочка ила со дна сплошной воды гагарой или уткой. Последний сюжет известен многим народам Северной Азии, в том числе финноугорским и самодийским; у селькупов он отмечен не был. Далее трава, мох или ил разрастались и покрывали всё видимое пространство, после чего такая земля становилась пригодной для обитания людей. Идея о том, что трава и мох - это волосы (шерсть) матери-земли, ясно прослеживается по фольклорным данным на селькупском материале. Травяная кочка на болоте (в заболоченной согре) - это голова Старухи Земли **Чвэчыт Пайа** (Парабель), **Тэтты Имиля** (Таз).

Для селькупского традиционного мировоззре-

ния характерно гармоничное сосуществование двух концепций в устройстве мироздания - плоскостной (горизонтальной) и вертикальной. Горизонтальная система выявляется в текстах, где действие связано с течением реки, и движение происходит вниз по течению реки, уносящей героев в нереальный мир, расположенный где-то около устья; вертикальная проявляет себя в текстах и высказываниях, где герой отправляется на небо или опускается под землю.

Вертикальная картина мира селькупов наиболее подробно была воспроизведена на материале северной группы Е.Д. Прокофьевой. Мир представлялся состоящим из трёх главных сфер – небесной, земной и подземной. Над плоской землей опрокинута куполообразное небо, опирающееся на края земли. Небо имеет несколько ярусов (три, семь, равнозначное у селькупов понятию «много», или девять), расположенных друг над другом. Живущие на земле видят двухъярусное небо. На первом небе обитают солнце **Челы** и луна **Ирэт**.

Верхний мир - сфера Нума, верховного божества. Там же, по предположениям северных селькупов, находилось озеро, на берегу которого росли священные жертвенные деревья, и среди них - главное **НОМТЫ КАССЫЛЬ ПО** – «небесное (небу) жертвенное дерево» (берёза). На небе жили небесные люди, небесные кузнецы, светлые небесные птицы (орёл, журавль, кукушка, лебедь), а также «дух верхнего неба» в образе небесного оленя или лося и другие небесные крылатые звери. На первом небе имелась щель – «неба щель», которую доставало своей макушкой растущее на земле дерево (лиственница) – «семикорневое дерево». Его также называли «дерево с пустым дуплом», по которому на небо доходили просьбы и жалобы людей.

Под землёй (внутри земли) находился нижний мир, разделенный также на слои – «семь слоёв льда». Там обитали покойники **латар**, в «огненных домах» жили чудища и злые духи **лозы**, главным из которых был **Кызы**. Днём духи, боясь света солнца, сидели под землёй, а вечером, когда

солнце «проваливается под землю», они через дупла деревьев выходили наружу.

На материале южных селькупов вертикально-структурированная картина мира не была зафиксирована исследователями; об её наличии в далёком прошлом свидетельствуют лишь отдельные эпизоды в фольклорных произведениях, речевые обороты, фрагменты верований и запретов.

Южные селькупы чётко разграничивают две сферы мироздания - землю (сушу) **ЧВЭЧ** и небо **нушунджь**. Подземное пространство структурировано слабо. Известно лишь, что подземный мир покоится на некой твёрдой основе - «серёдке земли» - **ЧВЭЧЭТ ПУДЖЬ**, поддерживающей мироздание снизу. Небесное пространство - это «светлое» место или «чистая земля». На небе также живут люди, называемые «верхними людьми». Туда уходят души (дыхание) земных людей после их смерти. Некоторые отлетевшие души превращаются в птиц («птицы - это чьи-то души»), другие - в звёзды.

В шёшкупском ареале, как и у северных се-

лькупов, были записаны сведения о мифическом «мировом дереве» **нул кёгыт по**, «дереве до неба», которое росло на вершине высокой плоской горы; в ветвях этого дерева живёт много духов, «державших всё живое на земле». Вертикальная связь неба и земли осуществлялась также через отверстие на небе «величиной с головку от веретена». Сквозь это отверстие Ноп (или Ном) следит за людьми и посылает шерстинки и семена, из которых появляются животные и растения. Кроме того, каменными стрелами-молниями, осколками грома, Ноп наказывал на земле грешников.

Подземное пространство, «земли дно», реконструируется как абсолютно темное место; в нём меняются характеристики времени (герой теряет ощущение времени); в этом мире можно перемещаться (герой путешествует на коне); выход из него - это движение к свету.

Гораздо чётче южноселькупское традиционное мировоззрение фиксирует горизонтальную структуру мира. Река была основной дорогой, пронизывающей реальное и потустороннее пространства.

Переправившись через устье реки, можно оказаться уже в ином мире - мире лозов и покойников, и, наоборот, найдя исток реки и перейдя через него, можно вернуться в реальный мир. Именно по реке герои среднего мира попадают обычно в фольклорных текстах в мир иной: их уносит лёд или ветер вниз по течению. Души умерших также уносит вниз по течению «чёрная река». Для южных селькупов главная река региона Обь (**Колта, Квай**) является стержнем мироздания. Она есть земное продолжение «каменной реки», текущей по небу, и видимой с земли в виде Млечного Пути. Северные селькупы термином *Колта* называют любую большую реку, и у них не отмечена связь земной реки с Млечным Путём.

Изначально земля была ровной и плоской. Возвышенности - бугры, холмы и мысы - появились на ней позднее, как результат деятельности героев, богатырей, предков. У северных селькупов записан текст о том, что неровной землю сделали камни, вывалившиеся из утробы Людоедокамнееда. Каждая земная возвышенность - есте-

ственная или рукотворная - оценивалась селькупами мысленно как нечто, связанное с предками, их душами и своей памятью о них или с духами - хозяевами мест. Любая кочка могла оказаться местом погребения богатыря или убитых им врагов, головой Старухи Земли или крышей землянки, в которой обитали живые люди. «Раз земля бугрится – значит, там кто-то есть», – говорили селькупы обо всех «выпуклостях» земной поверхности.

В среднем (земном, реальном) мире существовала своя главная «оппозиция»: между землёй (сушей), на которой живут люди, и пространством реки. Подводное пространство воспринималось исключительно как подземный, нижний мир.

Иногда в описании потустороннего мира нельзя однозначно сказать, идет ли речь в описании о пространстве «под землёй», «на небе», в низовье или верховье реки. Герои оказываются в «ином мире» без указания его пространственной привязки. Основными каналами связи между мирами в селькупском мироздании являются дерево, река и вершина возвышенности. Кроме того, такими две-

рями в «иной мир» могли быть труба очага (дымовое отверстие чума) или «та сторона кострища», противоположная месту героя, яма в земле (на кладбище), исток или устье реки, рукав верхней одежды, центр развернутого платка.

Море для селькупов является частью нереального пространства, оно – часть мира мифологического. Мифические хищные птицы прилетают из-за «края моря». Море замыкает Вселенную, соединяя реальную реку обитания и небесную каменную реку. Для всех умерших путь в «тот мир» обязательно лежит через большой водоём (море, океан), незнакомые леса и высокие горы.

Солнце и Луна - сыновья Земли и Неба. На Тыму и у северных селькупов образ Солнца отмечен в женском облике. Солнце-женщина борется со Старухой, живущей «внизу», перетягивая к себе Луну-мужчину. В итоге Солнцу достается половинка Луны без сердца, потому-то Луна светит так слабо и то умирает, то воскресает.

О звёздах думали, что это души умерших людей, поднявшиеся в виде светящихся пауков по корням

и ветвям священного дерева на небо; это костры в чумах «небесных людей», которые видны с земли в дымовые отверстия, так как на небе люди и олени ходят вниз головой и всё существует в перевернутом виде.

Млечный Путь по фольклорным текстам интерпретируется как лыжня **Нун Ия** (сына неба): «Сына неба дорога», «Ичи лыжная дорога», «Иттина тропинка». По иной версии, Млечный Путь - это блестящая чешуя, застрявшая в неводе **Нун Ия**, который он по вечерам развешивает на просушку, нацепив на Полярную звезду. Или Млечный Путь - это дым от костра Старухи, живущей на седьмом ярусе неба на каменном мысу. Южным селькупам Млечный Путь на небе представляется «каменной рекой», которая переходит на землю и течёт Обью, связывая собой мир.

Любая мифология не может обойтись без представлений о происхождении людей: одной из наиболее распространённых версий в селькупском ареале является версия происхождения людей от «своей» земли. Они сами «вылезли» из земляного

мха-травы наружу и теперь, «как вши на голове, по земле бегают». Из фольклорных текстов также следует, что раньше, в период «старины», были другие существа, похожие на людей - **мады, ма-дур** «богатыри». Характерными их особенностями были блестящее тело, невероятная сила, долгожительство, способность питаться запахом. Богатыри, отличавшиеся также тем, что у них отсутствовал пуп, брали в жёны обычных «земляных» женщин, и от этих браков народились современные селькупы «с пупом». Ряд селькупских фамилий уводят свои родословные к конкретным богатырям, например, кетские селькупы Зубрековы ведут свой род от богатыря Зубрека, Урлюковы - от богатыря-птицы Урлюка. Селькупы реки Кети ведут свое происхождение от сына легендарного героя-богатыря Итте и «первой дочери Лесного духа», которого звали Медведь-дух - **Кворгай лоз**. Промысловые животные порождаются Лешачкой – **Мачын нейд**: когда Лешачка расчёсывает волосы. «Как одну сторону гребнем чесанёт - белки, как вши, бегут, другую чесанёт - соболи валяются». По

иной версии, промысловые животные появляются из шерстинок, посылаемых Богом через отверстие на небе и разбрасываемых по земле. Также из семян, посылаемых Богом в небесное отверстие, появляются съедобные ягоды, которыми питаются люди.

Комары, пауты и мошки произошли из тела злого людоеда **Пюнегуссе** после его сожжения, а зубы злодея стали колючками шиповника. Противник Пюнегуссе - герой **Итте** воспринимается в образе паука (**Идже-кажа** или **Мизгирь**), плетущего сети и поедающего насекомых, чтобы и в этом образе быть сильнее Пюнегуссе.

Боги и духи

Верховным божеством селькупов выступает **Ном (Нум, Ноп)**. Селькупы считали, что всё, что происходит в небесной выси, в воздухе, относится к сфере небесного божества. Снег, дождь, ветер, грозы означают непосредственное присутствие Нома. Он определяет погоду и не любит, когда люди вмешиваются в его дела, поэтому даже попытки предсказания погоды вызывают его боже-

ственный гнев. Другая его важная функция – пода-
тель благ и пропитания. Он также напускает бо-
лезни и нужду, на кого пожелает. При хорошей до-
быче зверя или рыбы селькупы произносили: «Ном
мыгет» («Бог дал»), собирали самую лучшую часть
от каждой добычи, складывали в кучу на священ-
ном месте и сжигали, тем самым благодарили Бо-
га. Для него на берёзе - дереве Нома - завязывали
белые лоскуты ткани, дарили белые вещи, остав-
ляли на священном месте «белые» деньги. Во
всех земных делах Ном обычно благоприятствует
человеку, животным, охраняет от влияния враж-
дебных сил. С распространением христианства
Ному молились в грехах, просили прощения.

Главное женское божество селькупов не имеет
чётко закрепленного имени. В ареале северных
селькупов это божество фигурировало под имена-
ми **Ылынта Кота** или **Илынтыль Кота** - Нижняя
Старуха или Жизненная Старуха. Функции этого
божества двойственны: дарование жизни и встре-
ча умерших, а кроме того, установка социальных
норм, помощь женщинам при вступлении в брак и

при родах, наделение шамана атрибутами и некоторые другие. Небесное местожительство Жизненной Старухи описывается как «стальное жилище», обнесенное «стальным забором». По соседству с ней в «семиямном болоте» обитают кузнецы, которые по её приказу куют шаману металлические части к костюму. Рядом с домом старухи имеется лестница, по которой шаман «поднимается на небо». Кроме того, старуха распоряжается судьбами покойников и медведей, обитающих как в ином, так и в реальном мире. Ылынта Кота с солнечным лучом посылает души людей на среднюю землю для их последующего рождения в теле матери; считается, что она награждает младенца берёзовой или лиственничной люлькой. Двойственность природы этой мифологической фигуры заключается в том, что она же давала умершему колоду из кедра — гроб.

У южных селькупов имена Жизненной или Нижней Старухи не были отмечены, хотя и у этой группы селькупов имеется мифологический образ старухи, живущей где-то в низовье реки. Её назы-

вают **Пайа** (старуха), термином, которым называют любую замужнюю женщину. Эта старуха - маленького роста, «вся в пуху и шерсти, всё её тело в шерсти». К ней герои фольклорных произведений попадают обычно в минуту опасности (лед уносит вниз «старикову дочку»; дочь лесной женщины с младшей сестрой прибегают к противоположной стороне реки от её дома, спасаясь от Пажине-людоедки и т.п.). Старуха способна к перерождению и творению: из состриженной с её тела и разбросанной по болоту шерсти появились на свет олени, из печени, положенной на «ту» сторону очага, она сама возрождается в облике обычной женщины.

Образ старухи, живущей в низовье реки (или на небе), зачастую сливается с образом старухи земли - **Чвэчыт Пайа** (Парабель), чьим зооморфным обликом обычно выступает лягушка - символ женщины в культуре селькупов. Образ земли-старухи и образ мифической женщины-лягушки, живущей на болоте между кочек или в корнях старого пня, чья голова также является одной из ко-

чек, в традиционных представлениях селькупов совпадают. Такое положение в целом характерно для мифологии урало-алтайского круга, в которой, как полагает А. Сагалаев, «богиня-мать принципиально многолика». Лягушка, как и земля-мать, всех породившая, воплощает собой детородную способность женщины и плодоносящую силу земли.

Другой важный женский мифологический персонаж - «Огня пламени женщина» или «Огня мать», **Тюка Пальчиль Имиля** (Таз), **Тюн Амба** (Тым). Ни один смертный человек не может взглянуть ей в глаза и остаться в живых. Под её взглядом всё обращается в уголь и пепел. Огонь кормили едой, которую ели сами, и берегли от оскорбления: нельзя было плевать в огонь, бросать рыбные кости и мусор, сжигать травяные стельки из обуви и сушить женскую обувь и другие «нечистые» предметы. Нельзя ворошить огонь и тыкать в костёр острыми предметами из опасения поранить хозяйку огня. Нельзя было словесно обижать огонь, дабы не рассердить его хозяйку, потому что за непочтительное отношение к огню

она карала: могла забрать себе ребёнка у той женщины, которая ругалась на огонь. Каждая мать старалась договориться с матерью огня, чтобы та «присмотрела» за детьми в её отсутствие.

Уже говорилось об образе Лесной женщины, Лешачки **Матчын нейд**. Считается, что живёт она в лесу и является хозяйкой всех лесных зверей. Её постоянная спутница - красивая белка с золотой лентой **Квэдидыл табек** или маленькая чёрная собака. Сама Лешачка очень хороша собой - красивая, волосы длинные до пят, зимой ходит на лыжах, подбитых мехом, к поясу у неё подвешены беличьи шкурки, на голове - белый платок, на ногах - белые чирки. Считается, что видеть её - к большой охотничьей удаче.

Известен в селькупском фольклоре и лесной хозяин **Маджил лоз**, или **Мачиль лоз** – Лесной дух, Леший, Лесовик; в каждой местности свой лесной хозяин, таким образом их целое множество. Показывается охотнику в образе невысокого мужичка, одетого в фуфайку, бурки, шапку. То, что это дух, а не человек, выдаёт единственный глаз

на лбу (Тым), шерсть на теле (Толька) или тяжелый взгляд двух глаз из-под кустистых бровей; человек не сможет выдержать его взгляд, поэтому считается, что в лицо ему лучше не смотреть. Кроме того, он хромает, и у него острые локти. Когда он идёт, то постоянно шевелит острыми локтями и может заколоть ими спутника. Легче всего его встретить в кедровом лесу или около культового места, ему посвящённого (точнее, место, куда ему приносят подарки, выбирается именно там, где его уже видели). Известно множество рассказов, в которых Мачиль лоз просит перевезти его через реку. В таких рассказах говорится о том, как нужно себя вести в подобной ситуации, чтобы остаться в живых. Чтобы отблагодарить его или во избежание беды, необходимо отнести в то место, где произошла встреча, подарки - обычно ткани не меньше метра.

Для североселькупской мифологии характерен главный отрицательный персонаж **Кызы** (дьявол, чёрт), обитающий в нижнем мире - под землёй, под водой. У южных селькупов вместо образа

«вселенского зла» имеется сумма всяческих духов – лозов. **Лозы** (духи, черти) обитают в земле, в воде, в лесу, в «том мире». Они боятся Нума, который охотится на них, стреляя огненными стрелами-молниями, от которых отлетают каменные осколки. Чаще всего их облик антропоморфен: они имеют человеческий рост, но их тело покрыто шерстью, и на лбу один только глаз, поэтому самый характерный эпитет лоза - «одноглазый чёрт». Лозы ходят ночью к людям, съедают их, а кишки развешивают на кусты и деревья. Лозы также выполняют функцию духов-помощников шаманов. Духи-лозы составляют более низкий (по сравнению с божествами) уровень пантеона; самую низкую ступень занимают домашние духи-идолы.

Отрицательными персонажами селькупского фольклора также выступают жестокие и кроваво-жадные существа-людоеды Пюнегуссе, Пажине, а также их потомство. Они являются главными противниками селькупского фольклорного героя Итте.

Исследователи отмечают, что наиболее актуальными являются персонажи, активно участвую-

щие в жизнедеятельности людей - духи-лозы, духи-хозяева мест и, прежде всего, лесные и водяные духи. Из богов высшего уровня в значительной степени актуален Бог - Ноп и Мать огня. Итте, Нун Ий, Пюнегуссе, Пажине и другие уже предстают почти исключительно фольклорными героями, о которых рассказывают, но по отношению к которым практически отсутствует культовая практика, в том числе система поведенческих стереотипов и запретов.

Этнические процессы

На протяжении столетий селькупский этнос развивался, под влиянием, прежде всего, природной среды, обустривая свою экологическую нишу. Взаимодействия с соседними этносами, разумеется, имели место, в ряде случаев эти отношения были конкурентными, и конфликты решались с применением военной силы. Однако соседями селькупов вплоть до XVII в. являлись народы со сходным или, по крайней мере, сопоставимым уровнем социально-экономического и политического развития, так что взаимодействие осуществ-

лялось «на равных». В совершенно иной ситуации оказались селькупы с включением их в состав Российского государства. Влияние как собственно государства, так и русского населения было очень значительным и явилось испытанием на прочность способности к адаптации небольшого сибирского этноса. Начиная с XVII в., главным агентом воздействия на культуру селькупов становится среда социальная и культурная. Можно выделить несколько основных направлений воздействия этой новой социально-экономической среды на селькупский этнос.

Включение селькупских общин, организованных теперь в инородческие волости, в пушной рынок посредством ясачных платежей.

Постепенно это привело к переориентации охотничьего промысла на добычу пушнины, а организация на местах сбора ясака ярмарок и факторий – к возможности на вырученные за дополнительную пушнину деньги приобретать товары: посуду, ткани, изделия из металла. В свою очередь это привело к исчезновению в селькупской среде

навыков ткачества, кузнечества, гончарства и некоторых других. Экономический уклад селькупской общины примитивизировался, становился зависимым от поступлений извне, что привело к резкому перепромыслу пушных животных.

Переселение на исконно селькупские земли значительного количества чуждого по культуре и языку населения.

Этот процесс затронул, прежде всего, селькупов, чьи селения располагались по Оби. Здесь довольно рано стали появляться русские деревни, основное занятие в которых – земледелие, что наносило урон охотничьему хозяйству селькупов. Рыболовные угодья, принадлежавшие аборигенам, уже в XIX в. оказались во владении русских купцов, нанимавших на работу тех же селькупов, причём система найма оказывалась грабительской. Другим чрезвычайно тяжёлым последствием такого соседства являлось распространение среди аборигенов повального пьянства, к которому организм представителей северных этносов не приспособлен генетически: просто отсутствует в крови

фермент алкогольдегидрогеназа, расщепляющий спиртовые соединения. Об этом зле все знали, были выработаны соответствующие юридические запретительные нормы, но эти нормы постоянно нарушались.

Воздействие более развитых форм хозяйства, также как и изъятие некоторых видов ресурсов (например, рыболовных песков) из экономического обихода селькупов, приводили к необходимости заимствования новых возможностей жизнеобеспечения.

Процесс, начавшись ещё в XVII-XVIII вв., принял со временем лавинообразный характер. Был заимствован значительный комплекс хозяйственных занятий: это русский тип жилища, виды домашней и промысловой утвари и орудий, покупная одежда, разведение домашних животных, основы земледелия. В результате сближения жизненных укладов стало возможно появление межэтнических браков. В русском окружении дети в таком браке усваивали русский язык и культурную компетенцию. Отметим, что для отдельных людей всё

это не являлось чем-то плохим, напротив, это скорее повышало уровень жизни.

Уже в советский период истории на исконных территориях селькупов были развёрнуты крупные структуры: как экономические (лесхозы и леспромхозы), так и пенитенциарные (лагеря и комендатуры). Это привело к перемещениям селькупского населения с традиционных мест обитания, нарушало сложившуюся систему землепользования и владения угодьями.

Развитие интернатской формы образования, при которой дети большую часть времени проводят вне семьи, усваивая отличный от внутрисемейного уклад жизни. На территории обитания южных селькупов образование проводилось на русском языке, статус которого рассматривался как более высокий; отметим, что к периоду внедрения образования среди коренных народов большинство селькупов в той или иной степени уже владело русским языком.

Закрытие в 60-е гг. XX в. так называемых «неперспективных» деревень привело к исчезновению

посёлков с преимущественно селькупским населением, поскольку именно они, как правило, попадали в эту категорию. Селькупы были переселены в крупные посёлки, где оказались в явном и резко выраженном этническом меньшинстве. За соответствующим ростом межэтнических браков последовала почти полная ассимиляция и аккультурация.

Экспедиция

Историко-этнографическая экспедиция, организованная Департаментом по культуре Томской области, Администрацией муниципального образования «Парабельский район», ОГУК «Томский областной краеведческий музей», ОГУК «ДНТ «Авангард», состоялась 10 - 13 августа 2009 г. в Парабельском районе Томской области. Она являлась одной из составных частей областного фестиваля «Этюды Севера», который проводится на парабельской земле уже несколько лет.

Парабельский район относится к территориям проживания коренных малочисленных народов

Севера. В основном коренное население района представлено селькупками. Здесь до сих пор сохранились посёлки и деревни, известные по картам XIX – начала XX вв. как «юрты», жители которых принадлежали к аборигенным этносам. Юрты Тюхтеревы, Ласкины, Мумышевы существуют и на сегодняшний день в разной степени обитаемости.

Большинство представителей коренных этносов Парабельского района проживают в крупных посёлках. Однако оставшиеся за «бортом большой жизни» селькупские деревни являются безусловным историко-культурным наследием, важность которого трудно переоценить; кроме того, они представляют собой важный ресурс развития экологического и этнического туризма.

Участники экспедиции:

Фокина Ирина Петровна, заведующая отделом культуры Администрации Парабельского района;

Коробейникова Ирина Анатольевна, методист этнокультурного центра с. Парабель;

Фрайндт Виктория Викторовна, руководитель этнокультурного центра с. Парабель;

Игнатенко Зоя Алексеевна, заведующая научно-исследовательским отделом Томского областного краеведческого музея;

Рачковский Павел Юрьевич, главный специалист Департамента по культуре Томской области;

Дроздова Светлана Ивановна, заведующая отделом народных промыслов и ремёсел ОГУК «ДНТ «Авангард»;

Чирков Андрей Владимирович, специалист отдела народных промыслов и ремёсел ОГУК «ДНТ «Авангард».

Задачи, которые были поставлены участниками экспедиции:

- видеофиксация «историй жизни» - автобиографических рассказов представителей старшего поколения коренного селькупского населения;
- изучение современного состояния (в демографическом, архитектурном отношении) населённых пунктов, известных ранее как

селькупские посёлки - «юрты» (деревни Тюхтерevo и Мумышево);

- фото- и видеозапись внешнего облика этих поселений на текущий момент, фиксация рассказов об их истории за последние десятилетия;
- предварительное выявление в целях дальнейшего изучения особенностей местной «неформальной экономики», а также этнических, субкультурных, профессиональных групп населения района (на примере п. Нарым), стратегий выживания людей на современном этапе.

Поскольку участники экспедиции располагали ограниченным временем для решения поставленных задач, они были разделены на две подгруппы, каждая из которых последовала по своему маршруту. Первая группа: Томск – Парабель – Заозеро – Парабель – Нарым – Тюхтерevo – Нарым – Парабель – Томск. Вторая группа: Томск – Парабель – Новосельцево – Парабель – Мумышево – Парабель – Томск.

В ходе поездки участниками экспедиции велись фотосъёмка и видеозапись: рассказ о своей семье и воспоминания о своей жизни Саиспаева Константина Дмитриевича, селькупа, жителя деревни Заозеро; рассказ Саиспаева Ивана Егоровича и Саиспаевой Нины Васильевны, селькупов, жителей деревни Новосельцево; рассказ Дмитриева Андрея Гурьяновича о своём отце – известном охотнике Дмитриеве Гурьяне Самсоновиче; рассказ Павловой Раисы Денисовны, селькупки, родившейся в деревне Тюхтерево, об истории и сегодняшнем дне этой деревни; беседа с Павловой Раисой Денисовной, её сыном Павловым Михаилом Юрьевичем и его другом Алексеем; записаны песни о Нарыме советского периода «Как остяки построили Нарым» и «Нарым – тридцать седьмая» (имеется в виду тридцать седьмая вахта) в исполнении автора второй песни, представившегося как «просто Михалыч» и отказавшегося от уточнения подробностей. Одна из песен была записана в исполнении М. Павлова, песня известна ему от ма-

тери и представляет собой, вероятно, образец студенческого фольклора.

Из наших наблюдений Тюхтерево

Деревня Тюхтерево, расположенная у озера Чвор (селькупское наименование озера со стоком), до сих пор сохранила облик деревни, несмотря на то, что большинство домов стоят заброшенными и постепенно разрушаются. Постоянное население проживало в деревне примерно до середины 80-х гг. XX в. Какое-то время на её территории базировался коопзверопромхоз; его деятельность по заготовке грибов, ягод и других «даров природы» продолжалась до середины 90-х гг. XX в.. Заготовщики, приезжавших на заработки, привозили, по словам Раисы Денисовны Павловой, со всего Советского Союза. Последние попытки вдохнуть жизнь в угасающую деревню и возродить малые национальные посёлки были предприняты в начале 90-х гг. XX в. С этой целью и были созданы Ассоциация коренных малочисленных народов севера Томской области «Колта куп» и Парабельское

отделение этой Ассоциации. На средства, выделенные по федеральной программе возрождения коренных малочисленных народов, было построено несколько современных домов, два из которых теперь принадлежат сёстрам Раисе Денисовне Павловой и Людмиле Денисовне Шадринной, родившимся в Тюхтерево, когда здесь ещё была «просто деревня». Один дом теперь принадлежит В. Саиспаевой; строительство четвёртого, которое началось в том же 1992 г., так и не было завершено, дом остался недостроенным. Население деревни, какой её в детстве запомнила Раиса Денисовна, состояло преимущественно из смешанных русско-селькупских семей. В деревне были школа, почта, магазин. Из построек 50-х гг. XX в. прекрасно сохранился склад. В настоящий момент Тюхтерево практически не имеет постоянного населения; можно с некоторой долей условности считать таковым двух взрослых сыновей Раисы Денисовны, Ивана и Михаила, которые живут там круглогодично. Они рыбачат на озере, занимаются сбором и заготовкой дикоросов (кедровый орех, ягода,

грибы). Выращивают для себя овощи, огородную зелень. В некоторых других более или менее сохранившихся домах летом появляются обитатели, в основном жители Нарыма, приезжающие на заготовки дикоросов и для активного отдыха. Для этого в хозяйствах имеются грибоварни, сушильни для грибов, коптильни для горячего и для холодного копчения рыбы, орудия труда для обработки земли. Учитывая, что в Нарыме сейчас практически нет никакой другой работы, можно сказать, что семьи во многом вернулись к обеспечению себя за счёт традиционных промыслов, используя сходный орудийный набор. Отметим, что сети, фитили и другую рыболовную «амуницию» они изготавливают сами, поскольку готовые изделия не всегда подходят для местных водоёмов по габаритам. Деревня Тюхтерево функционирует сейчас в основном в качестве дачного посёлка для нарымского населения.

Интересным начинанием Ассоциации «Колтакуп» середины 90-х гг XX в. было строительство музея под открытым небом, которое проводилось

по инициативе и силами активистов Парабельского отделения «Колта куп», в том числе Коробейниковой (Тимониной) И.А., Шадринной Л.Д, Павловой Р.Д., вместе со своими родственниками. Предполагалось воссоздание старинной селькупской деревни и её традиционных жилых и культовых построек. Научная часть проекта разрабатывалась сотрудниками Томского областного краеведческого музея Тучковым А.Г., Тучковой Н.А. Реализация проекта осуществлялась в форме «народной стройки», или субботника. Группа энтузиастов из Нарыма и Парабели некоторое время выезжала в Тюхтерево для проведения строительных работ. Были построены карамо, уличная глиняная печь, коптильня, подготовлены площадки для других строений. Эта инициатива не получила развития, и теперь разрушенные постройки имеют почти «археологический» вид.

Мумышево

Собственно деревня Мумышево, которая после своего закрытия сохраняла некоторое время ули-

цы и дома, сгорела во время пожара. Постройки, которые там сейчас имеются, более поздние. Мумышево в настоящий момент имеет другой облик и выполняет несколько другую функцию: является производственной базой национального предприятия, которое занимается выловом и реализацией рыбы. Руководит предприятием Юрий Юрьевич Тобольжин. Среди построек – жилые помещения для работников предприятия, а также гостевые домики для любителей рыболовно-охотничьего экстремального туризма.

Нарым

Нарым всегда поражает путешественника ощущением остановившегося в нём времени благодаря сохранившемуся архитектурному облику, по которому хорошо можно представить, как выглядело старинное русское сибирское село на рубеже конца XIX – начала XX вв. Однако в Нарыме существуют пласты культуры, связанные с существованием здесь предприятий советского типа: колхоза, шпалозавода, леспромхоза. Пока этот

пласт не привлекал внимания исследователей, видимо, в связи с интересом к Нарыму осторожному или Нарыму как месту ссылки. Некоторые элементы такой культуры участникам экспедиции удалось зафиксировать.

Вызывало интерес и удивление заметное количество самодельной, точнее, пересобранной автомобильной и сельскохозяйственной техники. Вероятно, после закрытия леспромхоза и колхоза эта техника спешно и недорого распродавалась и теперь продолжает своё вторичное существование. Нам пришлось не только видеть, но и проехать на одном из таких «чудес техники», собранном Александром Типсиным и его братом из автомобиля ГАЗ-66, автобусного фургона и тракторного двигателя. Проходимость этого агрегата по местным дорогам очень хорошая. На полях вокруг Нарыма местные жители продолжают сенозаготовки с помощью тракторов, выпущенных в 70-80-е гг. XX в., которые вполне можно отнести к ретро-технике.

Во время экспедиционной поездки в Парабельский район была не только собрана важная информация, но и поставлены некоторые задачи для будущих исследований на этой территории.

З.А. Игнатенко,
*заведующая научно-исследовательским отделом
Томского областного краеведческого музея*

ЛИТЕРАТУРА

1. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энды. Нганасаны. Кеты. – М.: Наука, 2005.
2. Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001.
3. Тучкова Н.А. Селькупы реки Парабели (этнографический очерк)//Труды Томского объединённого историко-архитектурного музея: Сб. статей. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. Т. IX. – С. 68-99.
4. Тучкова Н.А. О селькупах Парабельского района // Земля Парабельская: Сборник научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. – С. 76-94.
5. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1972.
6. Пелих Г.И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. – Новосибирск, 1981.
7. Соколова З.П. О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области // Советская этнография. М., 1961, № 3. – С. 45-52.

-
8. Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – нач. XX в.). – Новосибирск, 1984.
 9. Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов)//Сборник МАЭ. Л., 1961. Т. XX. – С. 54-74.
 10. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов // Сибирский этнографический сборник. Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.Л., 1952. Т. I. – С. 88-108.
 11. Ураев Р.А. Материалы к шаманизму тымских селькупов // Труды Томского объединённого историко-архитектурного музея: Сб. статей. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. Т. VII. – С. 73-85.
 12. Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири. – М., 2006. – С. 157-173.
 13. Селькупский язык: [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://lingsib.unesco.ru/ru/languages/selkup.shtml.htm>, свободный.

СОДЕРЖАНИЕ

1.	Селькупы, какие они были (и какие они есть сейчас). Вместо вступления.....	4
2.	Селькупы. Территория расселения, этни- ческая история и хозяйственный уклад.....	6
	Происхождение и этническая история селькупов.....	13
	Хозяйственные занятия.....	21
	Общественное устройство.....	39
3.	Мировоззрение и религиозные верования.....	45
	Происхождение и устройство мира.....	46
	Боги и духи.....	56
4.	Этнические процессы.....	64
5.	Экспедиция.....	69
6.	Из наших наблюдений.....	74
	Тюхтерево.....	74
	Мумышево.....	77
	Нарым.....	78
7.	Литература.....	81

Сборник подготовлен к изданию отделом народных промыслов и ремёсел и информационно-методическим отделом областного Дворца народного творчества «Авангард».

Редактор – Бодюл Н.Н.

Макет, компьютерная вёрстка и дизайн – И. Н. Филимонова

Фотографии – П. Ю. Рачковского и А. В. Чиркова

Отпечатано – производственно-рекламная фирма «КопиТАЛ»

e-mail: avangard@trecom.tomsk.ru

Наш адрес: 634063, г.Томск, ул. Бела Куна, 20,
информационно-методический отдел.

☎ (382-2) 64-65-90

